

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ *

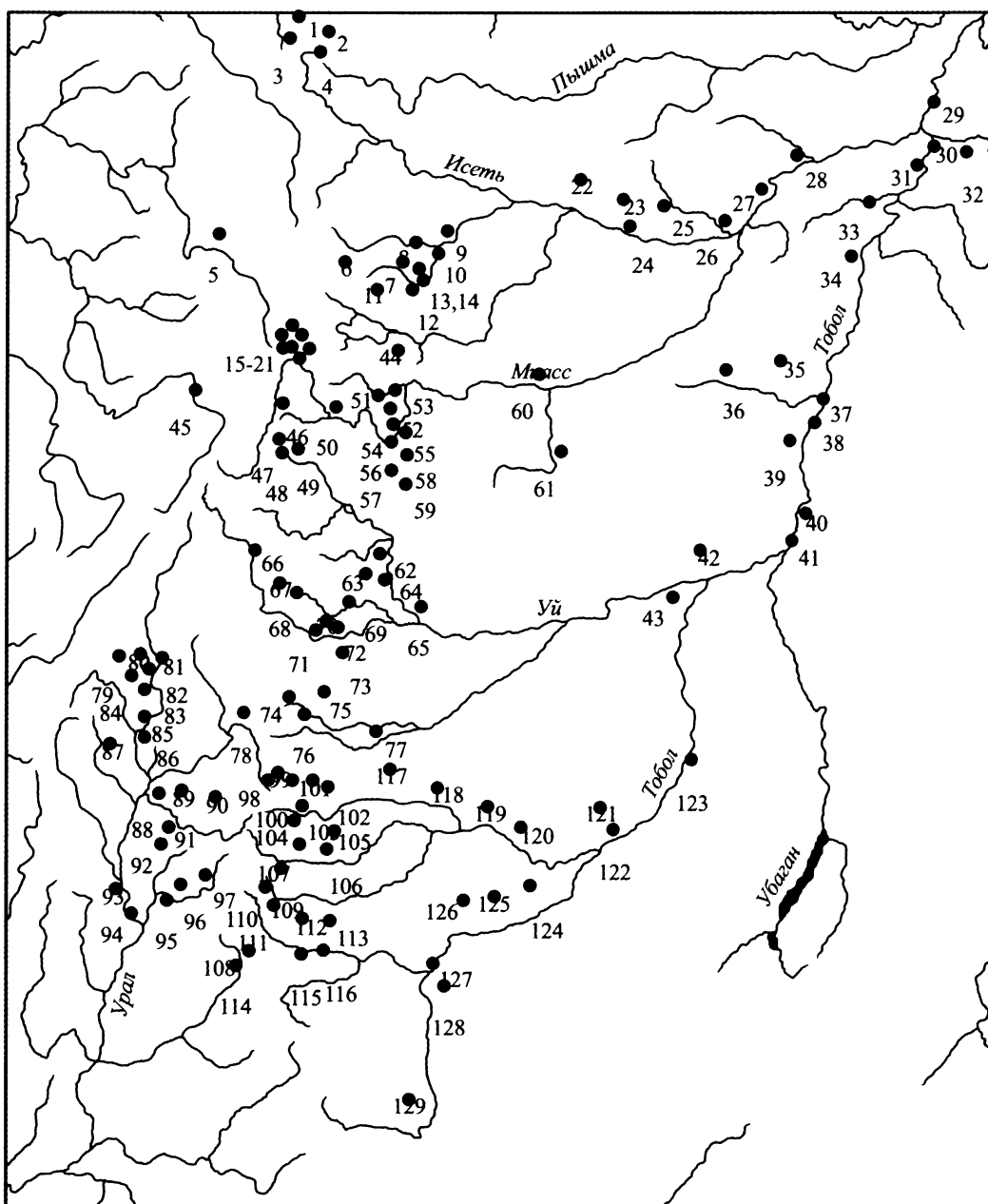
Южное Зауралье охватывает несколько природных зон. Эти зоны обусловлены как широтной сменой ландшафтных поясов, от степной зоны на юге до лесной на севере, так и поясом Уральских гор, вытянутых в меридиональном направлении. Граница лесной зоны в Южном Зауралье проходит вдоль цепи предгорных озер, граница лесостепи и степи — по правому берегу реки Уй. Небольшой участок лесостепи спускается южнее, вдоль подножия гор, до широты Магнитогорска (рис. 1). Данная граница основана на характере ландшафта, растительности и почв. При акцентировании внимания, например, на растительности в зону лесостепи попадут и многие участки к югу от Уя. Кроме того, раньше район был более покрыт лесами, а детальных исследований на памятниках разных эпох здесь не проводилось. Поэтому мы не можем исключать, что в эпоху бронзы районы к северу от Уя были, скорее, лесной зоной с участками лесостепи, а южнее располагалась лесостепь со степными массивами. Собственно, четкой границы невозможно провести и сейчас. Но на ее относительную правомерность и связь с определенными хозяйственными типами указывает, в частности, то, что в XVIII веке по Ую проходила граница между русскими и казахскими землями.

На востоке Зауралье ограничено рекой Тобол. Степень изученности археологических памятников на этой территории неодинакова (рис. 1)¹. Наиболее интенсивные археологические работы проводились на территории Зауральского пенеппена, располагающегося преимущественно в административных границах Челябинской области. Сравнительно неплохо изучены памятники вдоль Тобола. Между этими районами, к югу от Исети и к северу от Аята, в нижней части притоков Тобола, степень исследованности памятников низкая. Крайне незначительна исследованность памятников горной части Урала. Это заставляет с некоторой осторожностью относиться к нижеследующим выводам, хотя имеющийся материал все же указывает на определенные устойчивые тенденции.

Одной из важнейших проблем эпохи бронзы в регионе к востоку от Уральских гор является так называемая андроновская проблема. Ее можно сформулировать как проблему происхождения и взаимосвязей различных культур эпохи бронзы обширных территорий — от Урала до Саяно-Алтайской горной области и Средней Азии. К решению этой проблемы существует два подхода. Одна группа исследователей предполагает наличие генетической связи между различными культурами эпохи бронзы и последовательную смену синташтинской культуры петровской и далее алакульской, федоровской и саргаринской (Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина, Н. Б. Виноградов, А. В. Матвеев). Вторая группа исследователей не считает возможным связывать федоровскую и алакульскую культуры в рамках генетической преемственности, полагая, что эти образования существовали параллельно (В. С. Стоколос, Е. Е. Кузьмина, Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, С. А. Григорьев). Представляется, что при рассмотрении данной проблемы немаловажное значение имеет расположение памятников различных культур в рамках рассматриваемого ареала. Дело в том, что если допускать правомерность идеи о генетической преемственности всех культур эпохи бронзы, мы должны ожидать относительно равномерного распределения этих памятников. Однако мы уже обращали внимание, что федоровские памятники приурочены к северу этого региона, а алакульские — к югу². В данной работе рассмотрим этот тезис более детально.

Эпоха бронзы Южного Зауралья начинается с появления памятников синташтинской культуры. Хронологически это соответствует периоду СБВ II Восточной Европы. Эта культура обязана своим появлением миграциям населения с запада³. Памятники культуры на основной ее территории представлены укрепленными поселениями и могильниками. Все они расположены в степной зоне Зауралья к югу от реки Уй, на территории Зауральского пенеппена (рис. 2). Южнее, в Оренбуржье, известны

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 05-01-85112а/У.

лишь погребальные памятники. Отдельные погребения культуры и фрагменты керамики на поселениях зафиксированы и к северо-востоку, на Тоболе (Царев Курган, Камышное I, Верхняя Алабуга, Убаган)⁴. Севернее Уя обнаружены лишь отдельные фрагменты керамики на поселениях Мочище и Шибаево⁵. Однако на Мочище керамика является скорее поздне- или постсинташтинской, в то время как на Шибаево мы имеем дело с традиционной синташтинской керамикой. Следовательно, присутствие синташтинцев в этом районе было хотя и слабовыраженным, но довольно продолжительным. Таким образом, мы вправе говорить об ограниченном присутствии синташтинского населения в лесостепных ареалах. Данная ситуация не может не вызывать удивления. Район распространения синташтинских городищ окружен огромной территорией, на которой отсутствуют археологические памятники иных культур. Судя по характеру синташтинского материала, присутствие синташтинцев здесь было тоже ограниченным.

В свое время мы писали о недостатке биоресурсов для выпаса скота в ареале синташтинских городищ⁶. В этой связи предполагалось доминирование синташтинцев в Восточной Европе с периодическим

Рис. 1. (слева). Карта памятников эпохи бронзы Южного Зауралья.

- 1 – Новая III; 2 – Березовое; 3 – Коптяки; 4 – Калмацкий Брод; 5 – Серный Ключ; 6 – Касли VI;
- 7 – Черкаскуль II; 8 – Багаряк VI; 9 – Большекараболкский; 10 – Ново-Бурино; 11 – Черкаскуль 2;
- 12 – Березовское; 13 – Межовское; 14 – Чесноковская Пашня; 15–21 – Березки V, X, Сигаево III,
- Большой Липовый I, Усть-Миасское, Сигаево III, Перевозный I, Малый Липовый IX; 22 – Лужки;
- 23 – Замараево; 24 – Сергеевское; 25 – Боборыкино I, II, IV; 26 – Усть-Миасское; 27 – Коршуново;
- 28 – Бархатово; 29 – Ново-Шадринское; 30 – Усть-Суерское III; 31 – Высокая Грива; 32 – Чистолёбжье;
- 33 – Волосниковское; 34 – Ачликуль; 35 – Царев Курган; 36 – Кипель; 37 – Камышное I, II; 38 – Раскатица;
- 39 – Язев; 40 – Верхняя Алабуга; 41 – Убаган; 42 – Усть-Уйское; 43 – Загаринское; 44 – Урефты;
- 45 – Юкалекулёвское; 46 – Липовая Курья; 47 – Камбулат I; 48 – Камбулат II; 49 – Сарафаново;
- 50 – Туктубаево; 51 – Сосновка; 52 – Миасское; 53 – Черняки; 54 – Смолино; 55 – Сухомесово;
- 56 – Исаково; 57 – Мочище; 58 – Коркино; 59 – Шибаево; 60 – Алакуль; 61 – Субботино; 62 – Кинзерский;
- 63 – Уразаевский I; 64 – Уразаевский II; 65 – Троицкая ГРЭС; 66 – Путиловская Заимка; 67 – Степное;
- 68 – Степное (укрепленное); 69 – Приплодный Лог; 70 – Чернореченская курганный группа;
- 71 – Черноречье; 72 – Кривое Озеро; 73 – Дружный I; 74 – Солнце II; 75 – Солнце-Талика; 76 – Устье;
- 77 – Бахтинское; 78 – Чекотай; 79 – Нижнеспасское; 80 – Спасское; 81 – У Спасского моста;
- 82 – Спасское II; 83 – Малокизильское; 84 – Первомайский; 85 – Агаповка; 86 – Наровчатский;
- 87 – Тавлыкаево; 88 – Лебязье; 89 – Куйсак; 90 – Сакрын-Сакла; 91 – Симбирка I; 92 – Ильясский I;
- 93 – Кизильское; 94 – Кизильский могильник; 95 – Александровский; 96 – Аркаим; 97 – Большекараганский;
- 98 – Система; 99 – Ак-Мулла II; 100 – Ак-Мулла I; 101 – Верблюжь Горки; 102 – Родники;
- 103 – могильник Городищенское IX; 104 – поселение Городище; 105 – Ольгино; 106 – Каменный Амбар V;
- 107 – Журумбай; 108 – Аландское; 109 – Самбулат 2; 110 – могильник Синташта; 111 – поселение Синташта;
- 112 – Мирный; 113 – Андреевское; 114 – Солончанка Ia; 115 – Берсуат (Ягодный Дол); 116 – Берсуат XVIII;
- 117 – Кулевчи; 118 – Исений; 119 – Николаевка II; 120 – Евгеньевский; 121 – Алексеевское;
- 122 – Садчиковское; 123 – Конезавод; 124 – поселение Перелески II; 125 – могильник Перелески;
- 126 – могильник Перелески II; 127 – Шукубай I; 128 – Шукубай II; 129 – Семиозерки II

изъятием скота. Однако нельзя исключать и отгон скота на летние пастбища в Оренбуржье и в лесостепь к северу и северо-востоку, вплоть до Тобола. Существует еще один факт, указывающий на подобную возможность. Как показали исследования синташтинских шлаков, в плавке использовались руды в ультраосновных породах⁷. Это очень бедные руды, и их транспортировка на значительные расстояния вряд ли была оправдана. Однако, благодаря анализам хромшпинелидов в шлаках, нам удалось показать, что наиболее вероятными претендентами на роль рудной базы синташтинской металлургии были именно рудники в Оренбуржье⁸. На одном из них (Ишкининском) были обнаружены склады с рудой (сообщение В. В. Зайкова). Решением этой проблемы может быть предположение о том, что синташтинцы совмещали летний выпас скота с работой на рудниках. Тот же скот затем использовался для транспортировки руды в поселки. Не исключено, что этой причиной объясняется и присутствие синташтинского материала на Мочище и Шибаево. На поселении Мочище обнаружен один образец шлака синташтинского типа и один образец окисленной руды в серпентинизированных ультраосновных породах. А это не слишком характерно для эпохи поздней бронзы.

Безусловно, с изложенной выше гипотезой предстоит еще длительная работа, но если она подтвердится, синташтинская культура предстанет довольно своеобразным сообществом, хорошо вооруженным, периодически эксплуатирующим территории огромного радиуса. В пределах этого радиуса ни одно иное сообщество проживать просто не могло. Вероятно, и степная часть Восточной Европы испытывала негативное воздействие этих коллективов. Для периода заключительной фазы синташтинской культуры это достаточно очевидно. Однако и на более ранних этапах в степном Поволжье позднелатвийские памятники чрезвычайно редки. Существует даже мнение о значительном хронологическом разрыве между синташтинскими и латвийскими памятниками, но тогда мы должны говорить о незаселенной территории, что сомнительно⁹. К тому же зауральская ситуация все же указывает на сохранение латвийских популяций в синташтинское время и их взаимодействие с синташтинцами¹⁰. Но определенная деградация в Поволжье, по-видимому, произошла.

Косвенным образом это подтверждается ситуацией в Восточной Европе в самом начале эпохи поздней бронзы. Памятники с псалиями доно-волжского абашева и поволжские покровские концентрируются в двух регионах: на Среднем Дону в ареале 250 × 220 км и на севере Среднего Поволжья — 130 × 120 км.

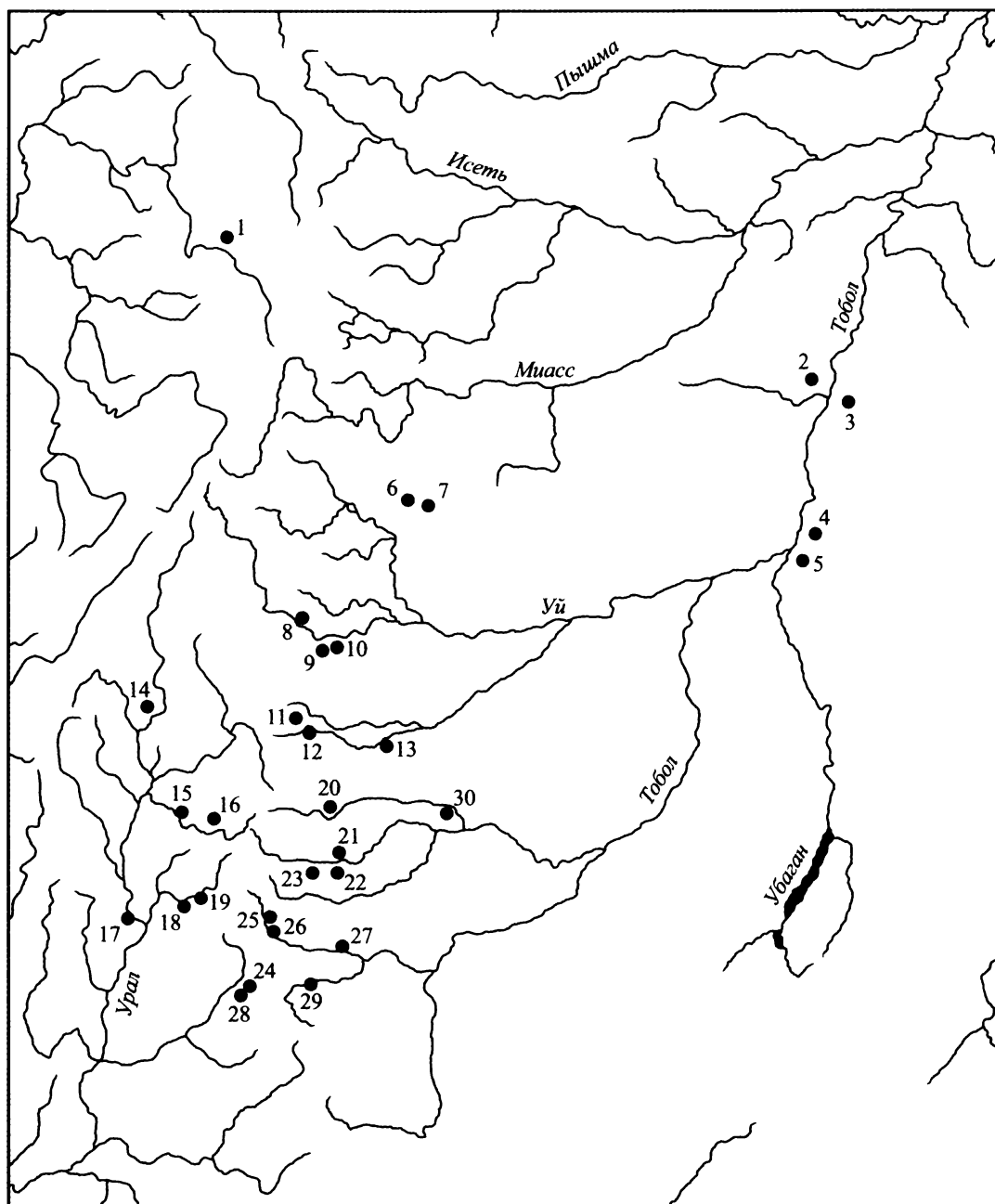

Рис. 2. Карта памятников эпохи средней бронзы Южного Зауралья.

- 1 – Серный Ключ; 2 – Царев Курган; 3 – Камышное I; 4 – Верхняя Алабуга; 5 – Убаган; 6 – Мочище;
 7 – Шибаво; 8 – Степное (укрепленное); 9 – Черноречье; 10 – Кривое Озеро; 11 – Солнце II; 12 – Устье;
 13 – Чекотай; 14 – Малокизильское; 15 – Куйсак; 16 – Сакрын-Сакла; 17 – Кизильское; 18 – Аркаим;
 19 – Большекараганский; 20 – Родники; 21 – Ольгино; 22 – Каменный Амбар V; 23 – Журумбай;
 24 – Аландское; 25 – могильник Синташта; 26 – поселение Синташта; 27 – Андреевское;
 28 – Солончанка Ia; 29 – Берсуат (Ягодный Дол); 30 – Исеней

Их разделяет пространство протяженностью около 220 км. Предполагается, что это была нейтральная полоса между обоими массивами, где периодически проживали представители обеих популяций¹¹. Поскольку эти культурные образования в определенной степени были связаны с синташтой, можно допускать и перенос некоторых хозяйственно-социальных принципов, присущих синташтинскому обществу.

Наиболее странным для эпохи средней бронзы является отсутствие памятников в горно-лесной зоне. И если ситуацию в горах еще можно объяснить слабой изученностью, то отсутствие памятников на озерах восточных склонов Урала вызывает удивление. За редким исключением, дело ограничивается черкаскульско-межевскими памятниками, главным образом, исследованными в рамках работ на Аргазинском водохранилище. Причем в этой зоне проводились достаточно интенсивные работы на стоянках каменного, а также раннего железного века.

Экологические кризисы в этом районе полностью исключены. Эта местность необычайно богата биоресурсами. Здесь располагается огромное число озер с большими рыбными запасами. Старожилы рассказывают, что в 1960-х годы на озере Тургояк работала рыболовецкая артель, ловившая рыбу неводами. В одном неводе при очень удачном лове могло оказаться до двух-трех тонн рыбы. Даже с учетом неизбежных преувеличений можно предполагать, что в древности рыбные ресурсы региона были огромны. Сюда можно добавить возможную дичь, грибы, ягоды. В Южном Зауралье это наиболее благополучный район. Поэтому отсутствие памятников этой эпохи непонятно. Доживание энеолитических популяций до черкаскульского времени является абсолютно невероятным. Синташтинский прессинг, возможно, актуальный для иных регионов, здесь маловероятен, так как колесницы не могли пройти по этой зоне. Даже если бы их туда доставили, их применение было бы неэффективным. Представляется, что памятники этого периода просто пока не открыты. Возможно, их открытию будут способствовать ведущиеся здесь в настоящее время исследования мегалитических памятников¹². Думается, что в ближайшие годы нам удастся найти новую археологическую культуру того времени, сыгравшую пока неясную роль в последующем культурогенезе лесной зоны Зауралья. Поскольку археологические работы в регионе проводились, не исключено, что часть материалов эпохи средней бронзы входит в состав уже полученных керамических комплексов, но неверно интерпретируется. В частности, на озере Тургояк выявлены ранние керамические материалы с крестоштампованной традицией эпохи энеолита¹³. Термолюминесцентные даты этой керамики представлены большой серией. Часть их сопоставима с финальными неолитическими, но есть и серия поздних дат, сопоставимых с гамаюнской культурой. Поэтому на фоне практически полного отсутствия на озерах Южного Зауралья, плотно заселенных в энеолите, памятников эпохи бронзы, высказанное выше предположение представляется достойным дальнейшей проработки.

Распространение памятников эпохи поздней бронзы более равномерно. К этой эпохе относятся петровская, срубная (включая так называемые срубно-алакульские памятники), алакульская, федоровская, межевская и саргаринская культуры.

Наиболее ранняя петровская культура формируется на основе синташтинской. В Южном Зауралье памятники этой культуры располагаются к югу от реки Уй, то есть в степной зоне, на востоке региона, по притокам реки Тобол (рис. 3). На притоках Урала известно лишь одно погребение в Большекараганском могильнике. Отдельные находки петровской керамики известны и несколько севернее Уя, в южной части лесостепи. Вероятно, это отражает прежнее освоение данного ареала синташтинскими группами. Небольшая серия памятников известна и по Тоболу, причем в северной лесостепной части. Однако это, по-видимому, является выражением той же тенденции. Таким образом, характер распространения петровских памятников подтверждает гипотезы о формировании петровской культуры на синташтинской основе¹⁴.

Отсутствие петровских памятников в западной части ареала, где синташтинские представлены достаточно хорошо, может вызвать недоумение. Объясняться подобная ситуация может тем, что петровская культура формировалась лишь в восточной части распространения синташтинских памятников. Этот процесс начался на территории Казахстана еще в период существования синташтинской культуры. Впоследствии петровские популяции продвигаются на запад, на левые притоки Тобола¹⁵.

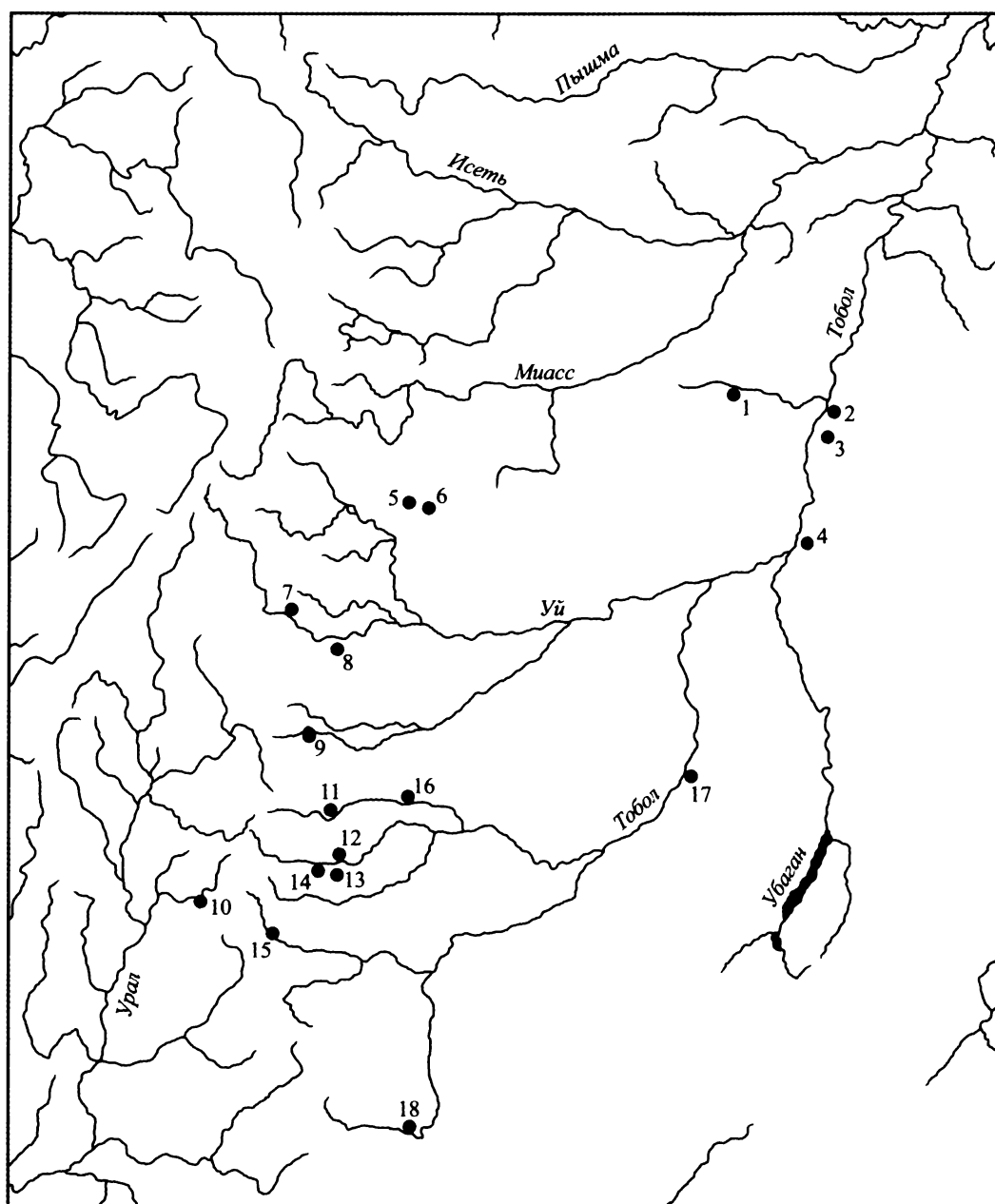

Рис. 3. Карта памятников петровской культуры в Южном Зауралье.

- 1 – Кипель; 2 – могильник Камышное I, поселение Камышное II; 3 – Раскатиха; 4 – Верхняя Алабуга;
5 – Мочище; 6 – Шибаетово; 7 – Степное; 8 – Кривое Озеро; 9 – Устье; 10 – Большекараганский;
11 – Родники; 12 – Ольгино; 13 – Каменный Амбар V; 14 – Журумбай; 15 – поселение Синташта;
16 – Кулевчи; 17 – Конезавод III; 18 – Семиозерки II

На западе на базе синташты шло формирование алакуля¹⁶. В противоположность этому некоторые исследователи полагают, что можно выстроить последовательную генетическую цепочку синташта – петровка – алакуль¹⁷. Однако в этом случае мы вправе спросить: какие культурные образования сосуществовали с петровскими на притоках Урала? Стратиграфически выше синташтинских располагаются ранние срубные и алакульские памятники. И те и другие формировались на синташтинской основе. Существует серия так называемых срубно-алакульских памятников. Принято полагать, что эти памятники являются результатом срубно-алакульского взаимодействия, когда основные стереотипы этих культур уже были сформированы. Вместе с тем многие из этих памятников отражают лишь нерасчлененность культурных стереотипов, формировавшихся на синташтинской основе. Критерии выделения срубных черт в Зауралье довольно зыбки. Чаще это сводится к грубости керамики. Но некоторые признаки (например, меловые подсыпки) имеют вполне объективный характер. Не вдаваясь в проблему, какие памятники можно рассматривать в качестве срубных или срубно-алакульских, примем за аксиому, что это родственные образования с синташтинскими корнями. Именно памятники этой группы занимают степную часть бассейна реки Урал в начале эпохи поздней бронзы (рис. 4). Исключением являются могильники Система, Ак-Мулла и поселение Берсуат, расположенные тоже в степи по притокам Тобола.

Наиболее многочисленными памятниками эпохи бронзы Южного Зауралья являются алакульские. Они встречаются повсеместно, начиная от Исети, за исключением горно-лесной зоны (рис. 5). Большой проблемой является то, что в настоящее время мы пока не можем расчленить эти памятники на ранние и поздние. А алакульская культура существовала продолжительное время. Поэтому подобная широкая распространенность может объясняться по-разному в различные периоды. Однако к северу от Миасса, в северной лесостепи и на юге лесной зоны, эти памятники малочисленны. В южной лесостепи, между Миассом и Уем, они представлены в большем количестве. По мнению В. И. Стефанова и О. Н. Корочковой, федоровское население вторглось на алакульскую территорию, и в зауральской лесостепи оно было инкорпорировано в алакульскую среду, существуя в качестве субкультуры¹⁸. Собственно, при первичной обработке материалов поселения Мочище и у нас сложилось впечатление, что первоначально на поселении существовал раннеалакульский комплекс, затем появились федоровский и классический алакульский. Однако не следует забывать, что речь идет о южной части лесостепи, к тому же у нас весьма ограниченные возможности для четкого хронологического членения комплексов. Последующая ситуация с распространением здесь федоровских, черкасульских и межовских памятников указывает, скорее, на то, что федоровская линия развития здесь возобладала. В северной же лесостепи алакульские материалы более чем малочисленны.

Основной же зоной распространения алакульских памятников является степное Зауралье — притоки как Урала, так и Тобола. Можно сказать, что это основная культура эпохи бронзы Южного Зауралья. Большая концентрация алакульских памятников отмечена и в лесостепном Притоболье. В целом эти памятники занимают те же районы, что и синташтинские, но концентрация их в Притоболье и в южной лесостепи между Миассом и Уем резко возрастает. Видимо, это отражает тенденцию более активного освоения территорий потомками синташтинцев. Не исключено, что алакульцы, как и синташтинцы, использовали этот регион для летних пастбищ.

Сходная ситуация сохраняется в степи и в эпоху финальной бронзы, когда здесь распространяется саргаринская культура. Количество саргаринских памятников невелико по сравнению с алакульскими, но связано это, главным образом, с тем, что они не входили в круг интересов зауральских исследователей. Саргаринские памятники довольно строго приурочены к степной зоне (рис. 6). Исключением являются находки саргаринской керамики в южной лесостепи, на поселениях Мочище и Шибаво и в лесостепном Притоболье. Но в целом это отражает ту же ситуацию, что была в алакульское время.

Таким образом, мы вправе говорить о существовании в Зауралье степного блока культур, куда входят синташтинская, петровская, алакульская и саргаринская культуры, связанные между собой и генетически.

Другая культурная группа существовала в лесостепи. В нее входят федоровская, черкасульская и межовская культуры. На первый взгляд, федоровские памятники представлены по всему Южному Зауралью (рис. 7). Тем не менее бросается в глаза, что в степной зоне к югу от Уя они чрезвычайно редки.

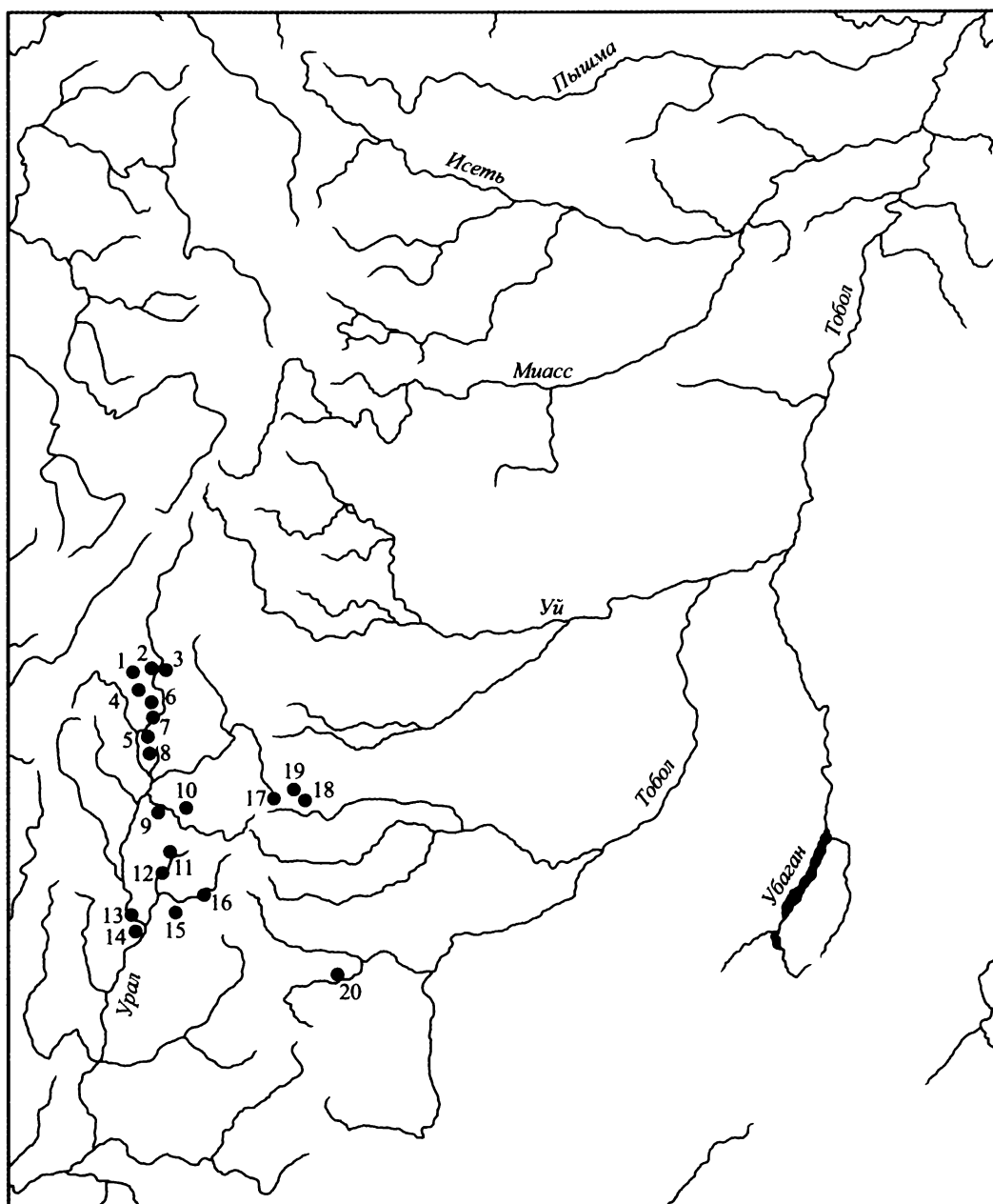

Рис. 4. Карта распространения срубных и срубно-алакульских памятников.

- 1 – Нижнеспасское; 2 – Спасское I; 3 – Спасское III; 4 – Первомайский; 5 – Агаповка II;
6 – Малокизильский I; 7 – Малокизильский II; 8 – Наровчатский; 9 – Лебяжье; 10 – Куйсак;
11 – Симбирка I; 12 – Ильяский I; 13 – Кизильское; 14 – Кизильский могильник; 15 – Александровский;
16 – Большекараганский; 17 – Система; 18 – Ак-Мулла II; 19 – Ак-Мулла I; 20 – Берсуат XVIII

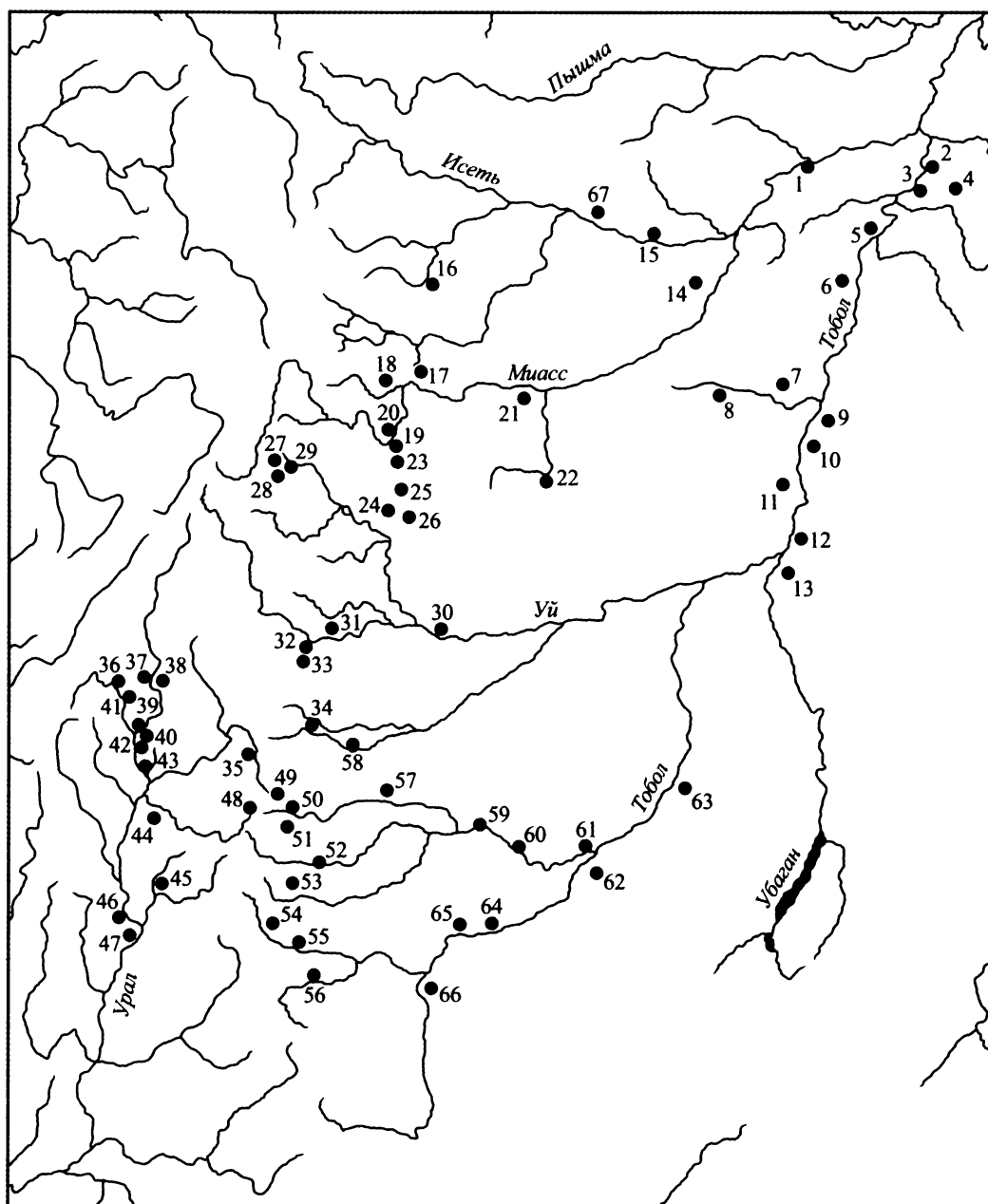

Рис. 5. Памятники алакульской культуры в Южном Зауралье.

- 1 – Хрипуновский; 2 – Усть-Суерское III; 3 – Высокая Грива; 4 – Чистолёбяжье; 5 – Волосниковское; 6 – Ачликуль; 7 – Царев Курган; 8 – Кипель; 9 – Камышное I, II; 10 – Раскатиха; 11 – Язёво I, III; 12 – Верхняя Алабуга; 13 – Убаган 1, 2; 14 – Бакланский; 15 – Боборыкино II; 16 – Ново-Бурино; 17 – Мало-казахбаевское; 18 – Урефты; 19 – Миасское; 20 – Черняки I; 21 – Алакуль; 22 – Субботино; 23 – Исаково; 24 – Мочище; 25 – Коркино; 26 – Шибяево; 27 – Камбулат I; 28 – Камбулат II; 29 – Сарафаново; 30 – Троицкий; 31 – Приплодный Лог; 32 – Чернореченская курганный группа; 33 – Чернореченское I; 34 – Солнце-Талика; 35 – Бахтинское; 36 – Нижнепасское; 37 – Спасское I, III; 38 – У Спасского моста; 39 – Малокизильский I; 40 – Малокизильский II; 41 – Первомайский; 42 – Агаповка II; 43 – Наровчатский; 44 – Лебяжье; 45 – Ильясский I; 46 – Кизильское; 47 – Кизильский могильник; 48 – Система; 49 – Ак-Мулла II; 50 – Ак-Мулла I; 51 – могильник Городищенское IX; 52 – Ольгино; 53 – Журумбай; 54 – поселение Синташта; 55 – Мирный 2, 3, 4; 56 – Берсуат XVIII; 57 – Кулевчи; 58 – У Башни Тамерлана; 59 – Николаевка II; 60 – Евгеньевский; 61 – Алексеевское; 62 – Садчиковское; 63 – Конезавод; 64 – могильник Перелески; 65 – могильник Перелески II; 66 – Шукубай I; 67 – Замаарасво

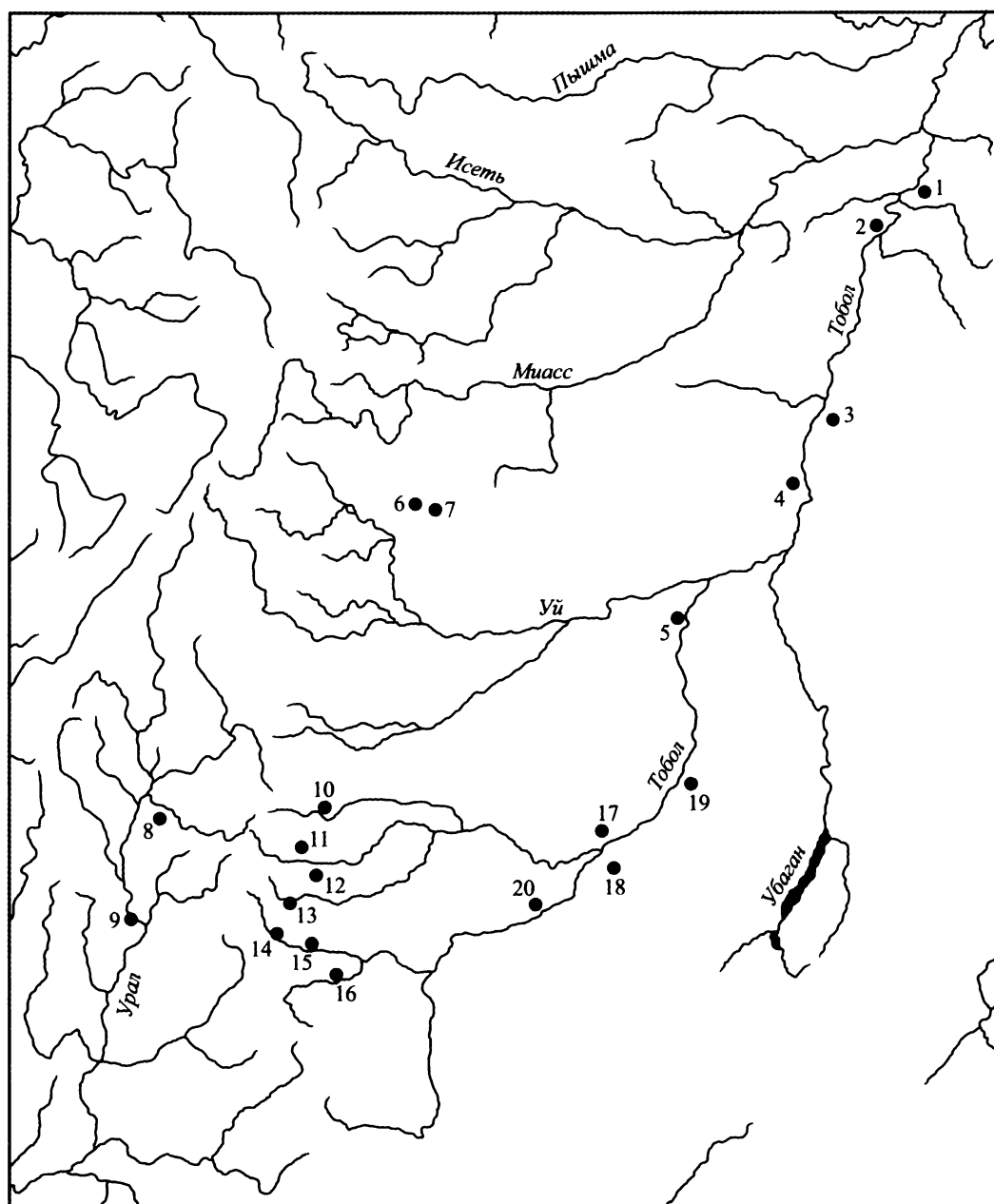

Рис. 6. Карта распространения памятников периода финальной бронзы в Южном Зауралье.
 1 – Высокая Грива; 2 – Волосниковское; 3 – Камышное II; 4 – Язево I; 5 – Загаринское; 6 – Мочище;
 7 – Шибаво; 8 – Лебяжье; 9 – Кизильское; 10 – Верблюжьи Горки; 11 – поселение Городище;
 12 – Журумбай; 13 – Самбулат 2; 14 – поселение Синташта; 15 – Мирный II, III; 16 – Бер-суат XVIII;
 17 – Алексеевское; 18 – Садчиковское; 19 – Конезавод III; 20 – поселение Перелески II

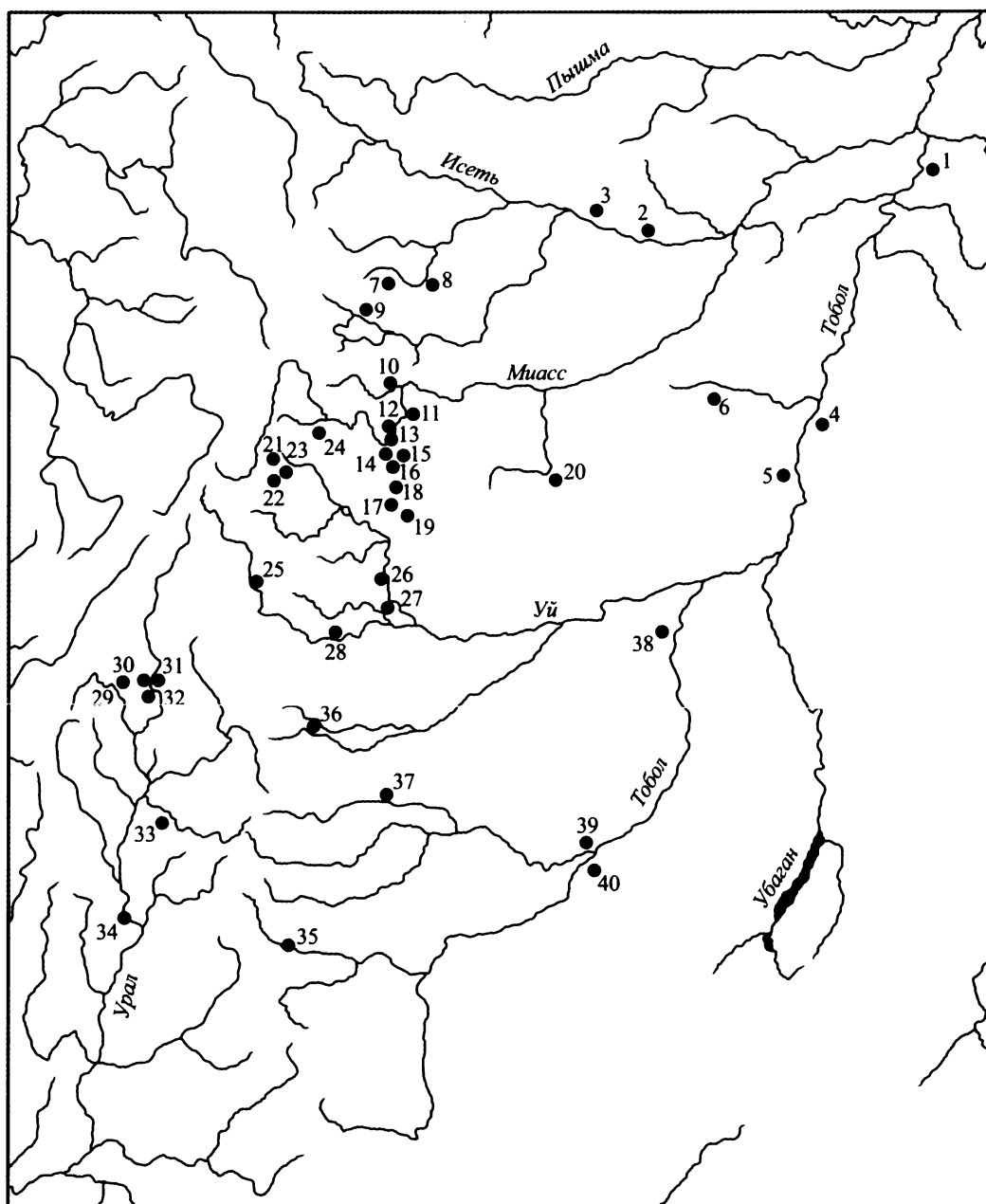

Рис. 7. Карта распространения памятников федоровской культуры в Южном Зауралье.

- 1 – Усть-Суерское III; 2 – Боборыкино I, II, VI; 3 – Замараево; 4 – Камышное I, II; 5 – Язевое I, III; 6 – Кипель; 7 – Черкаскуль II; 8 – Ново-Бурино; 9 – Черкаскуль 2; 10 – Урефты; 11 – Федоровка; 12 – Черняки I, II; 13 – Миасское; 14 – Смолино; 15 – Сухомесово; 16 – Исаково; 17 – Мочище; 18 – Коркино; 19 – Шибаво; 20 – Субботино; 21 – Камбулат I; 22 – Камбулат II; 23 – Сарафаново; 24 – Туктубаево; 25 – Путиловская Заимка; 26 – Кинзерский; 27 – Уразаевский II; 28 – Приплодный Лог; 29 – Нижнеспасское; 30 – Спасское; 31 – У Спасского моста; 32 – Спасское II; 33 – Лебяжье; 34 – Кизильское; 35 – Мирный II, III; 36 – Солнце-Талика; 37 – Кулевчи VI; 38 – Загаринское; 39 – Алексеевское; 40 – Садчиковское

К тому же речь идет о весьма малом количестве материала. Это поселения Лебяжье, Кизильское, Мирный II, III, Кулевчи VI, Загаринское, Алексеевское, Садчиковское и могильник Солнце-Талика. Но эти материалы свидетельствуют, скорее, об эпизодическом проникновении небольших федоровских групп в алакульскую среду, на что указывает контактный характер материалов могильников Кулевчи VI и Солнце-Талика¹⁹. На поселениях этой зоны федоровские материалы уникальны. Так, на поселении Мирный II на 2550 алакульских фрагментов приходится 44 федоровских²⁰. На поселении Лебяжье из 3350 находок обнаружено лишь семь федоровских фрагментов²¹. На поселениях Загаринское, Кизильское и Алексеевское федоровская керамика единична²². Таким образом, эти пункты на карте отражают не присутствие, а отсутствие здесь федоровских популяций. Пожалуй, мы вправе сделать вывод о том, что в степном Зауралье федоровская культура не существовала.

Основная часть федоровских памятников приурочена к междуречью Миасса и Уя, то есть к южной лесостепи, хотя отдельные памятники встречаются и севернее Миасса. В Притоболье, где прекрасно представлены алакульские памятники, федоровские находки единичны и отражают, скорее, не этап в освоении территории, а контакты и локальные подвижки отдельных групп. Обращаем внимание на группу федоровских памятников в южной зоне, по реке Урал, в районе Магнитогорска, куда опускается небольшой участок лесостепи. Однако к северу от Миасса и по озерам предгорной части федоровские материалы малочисленны. То есть этот район опять производит впечатление незаселенного или малозаселенного, освоенного интенсивно лишь в энеолите. Поэтому нельзя исключать сохранение здесь иных материалов, пока не идентифицируемых в качестве материалов этой эпохи.

На основе федоровской культуры формируется черкаскульская²³. При этом не исключено, что федоровская традиция какое-то время сохраняется, и обе эти традиции существуют одновременно. Локализация черкаскульских памятников в целом та же, что федоровских (рис. 8). Однако они начинают явно распространяться на север, не только в пределы северной лесостепи, но и в зону предгорных лесов. В степной зоне и в Притоболье количество памятников не увеличивается. Там сохраняется прежняя ситуация, характерная и для федоровской культуры. Это явно зона распространения алакульских памятников, и эпизодическое присутствие здесь федоровско-черкаскульского компонента не может быть объяснено сменой проживавших здесь алакульских популяций. Таким образом, мы фиксируем на этом этапе распространение лесостепного населения на север и отчасти на запад, хотя при картографировании памятников только в Зауралье последнее, видимо, не столь очевидно. Однако это соответствует общей тенденции проникновения федоровского и черкаскульского компонентов на западные склоны Урала и далее²⁴.

Необходимо отметить лишь один керамический тип, который выбивается из данной стройной картины. На поселении Мочище в южной лесостепи был выделен федоровско-черкаскульский тип, который рассматривается в качестве переходного²⁵. Этот тип представлен и на некоторых поселениях степной зоны (Ильяска I, Атамановка V, Берсуат XVIII), сменяя срубно-алакульские слои²⁶. Следует иметь в виду, что эта проблема изучена пока недостаточно, и оценить распространенность данного типа не представляется возможным.

Карта распространения межовских памятников в целом идентична карте распространения черкаскульских (рис. 9). Наблюдается лишь некоторое разрежение пунктов на юго-востоке. Поэтому не исключено, что мы вправе говорить о сохранении тенденции западных и северных смещений, но они не были глобальными.

Таким образом, в Южном Зауралье довольно отчетливо видны два генетически не связанных друг с другом культурных блока — степной, представленный синташтинской, петровской, алакульской и саргаринской культурами, и лесостепной, куда входят федоровская, черкаскульская и межовская культуры. Условной границей между этими блоками является широкая полоса междуречья Уя и Миасса, то есть южная лесостепь. Контакты между этими блоками в различные периоды были, вероятно, достаточно интенсивны. Формы этих контактов не ясны. Речь может идти и о перемещении отдельных групп на чужую территорию, и о временном смещении границ между блоками, и просто о контактах различных форм. Это проблемы, которые исследователи пока почти не затрагивали. Однако при определенной подвижности рассматриваемой системы расселения общая ситуация остается неизменной. Одна группа населения проживает в степи, вторая — в лесостепи, а затем и в лесной зоне. Обращает на себя внимание, что

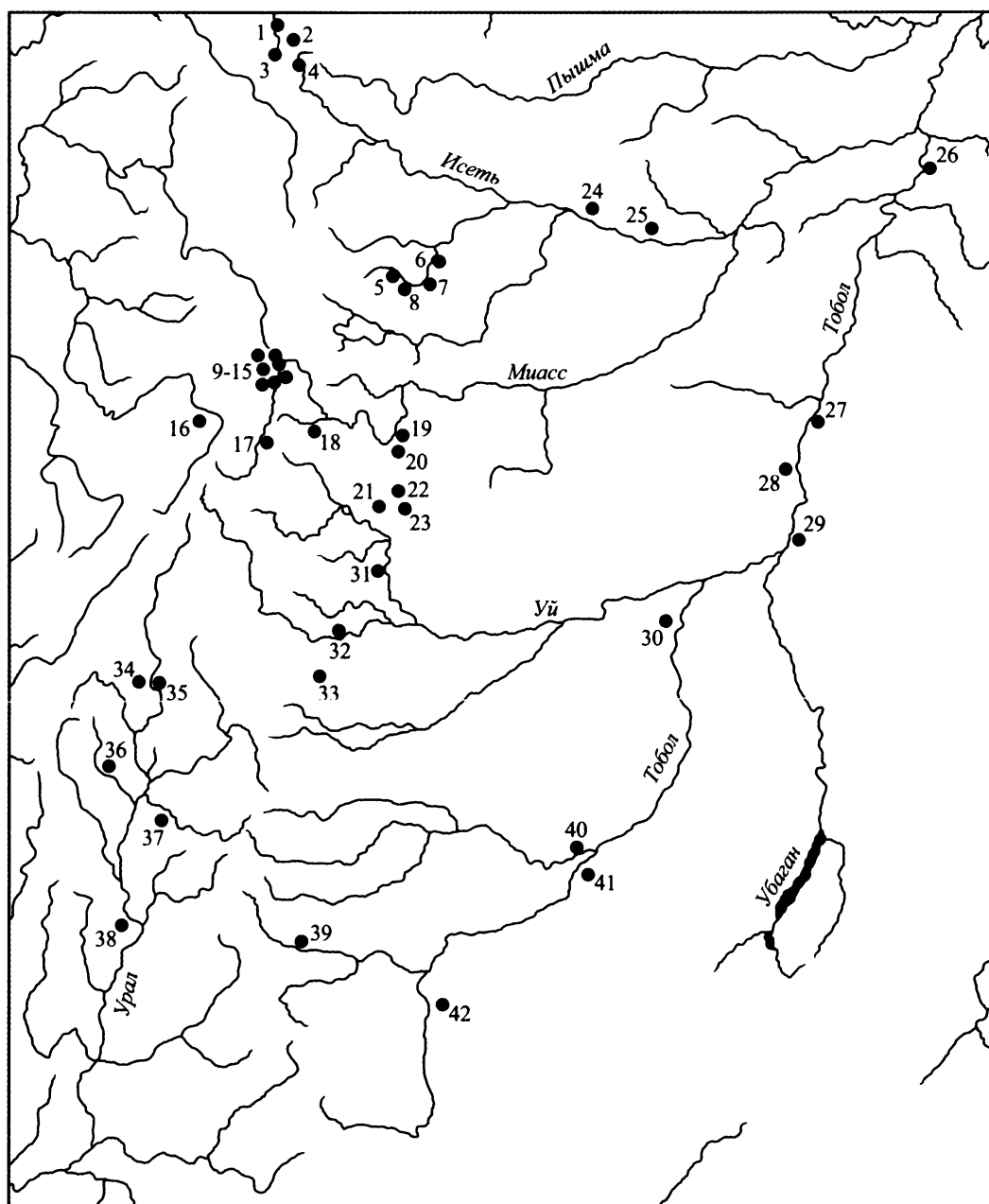

Рис. 8. Карта распространения памятников черкаскульской культуры в Южном Зауралье.

1 – Новая III; 2 – Березовое; 3 – Коптяки V; 4 – Калмацкий Брод; 5 – Черкаскуль II; 6 – Большекараболкский; 7 – Ново-Бурино; 8 – Чесноковская Пашня; 9–15 – Березки V, X, Сигаево III, Большой Липовый I, Перевозный I, Перевозный Ia, Березки Vг; 16 – Юкалекулевское; 17 – Липовая Курья; 18 – Туктубаево; 19 – Миасское; 20 – Смолино; 21 – Мочище; 22 – Коркино; 23 – Шибаво; 24 – Замараево; 25 – Боборыкино I, II, VI; 26 – Усть-Суерское III; 27 – Камышное II; 28 – Язевое III; 29 – Алабуга I; 30 – Загаринское; 31 – Кинзерский; 32 – Приплотный Лог; 33 – Дружный I; 34 – Спасское; 35 – У Спасского моста; 36 – Тавлыкаево; 37 – Лебяжье; 38 – Кизильское; 39 – Мирный II, III; 40 – Алексеевское; 41 – Садчиковское; 42 – Шукубай II

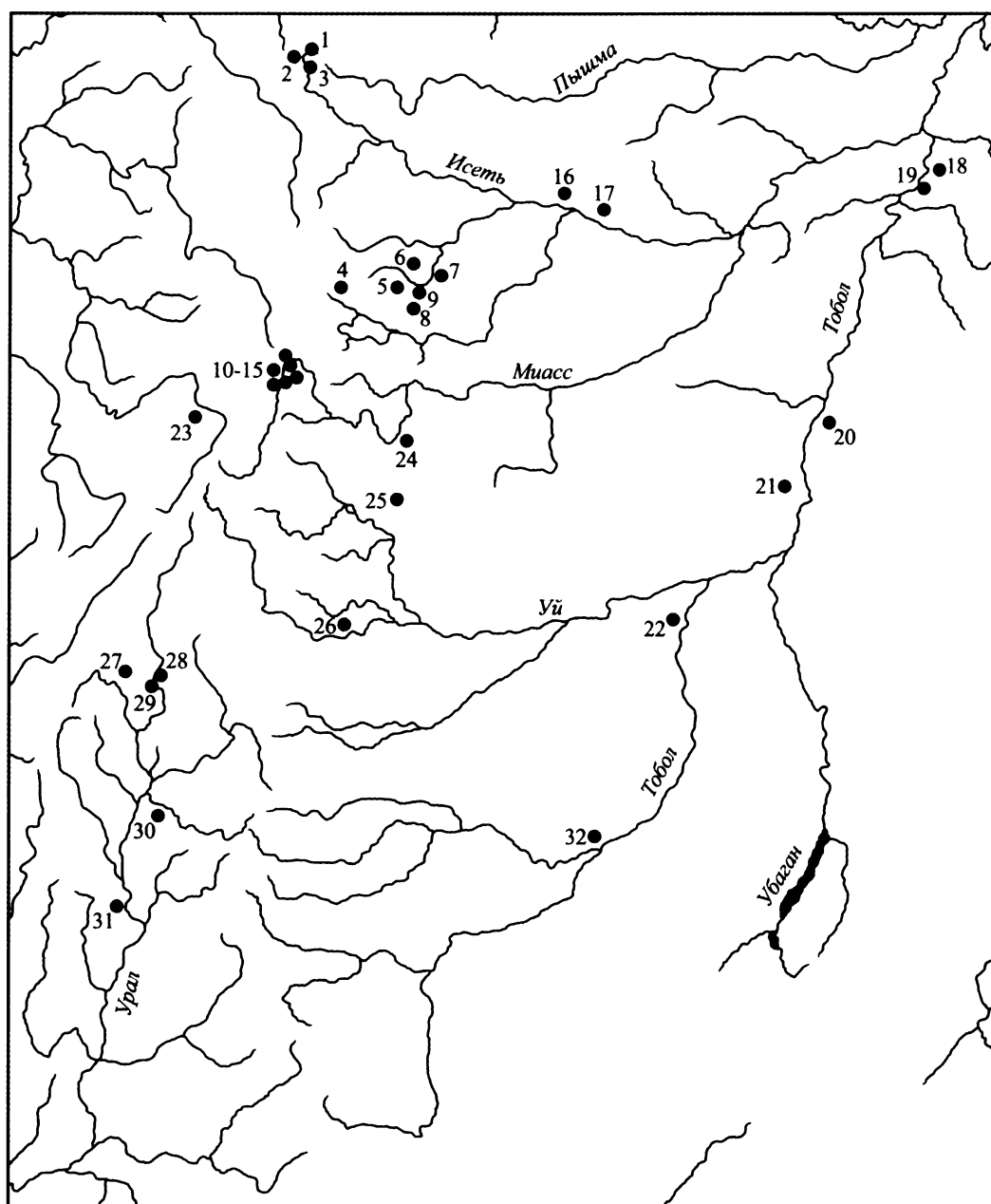

Рис. 9. Карта распространения памятников межовской культуры в Южном Зауралье.
 1 – Березовое; 2 – Коптяки I, II; 3 – Калмацкий Брод; 4 – Касли VI; 5 – Черкаскуль II;
 6 – Багаряк VI; 7 – Ново-Бурино; 8 – Березовское; 9 – Межовское; 10–15 – Березки V,
 Сигаево III, Перевозный I, Малый Липовый IX, Усть-Миасское IV, Аргазы XIII;
 16 – Лужки; 17 – Замаараево; 18 – Усть-Суерское III; 19 – Высокая Грива; 20 – Камышное II;
 21 – Язево I; 22 – Загаринское; 23 – Юкалекулевское; 24 – Миасское; 25 – Мочище;
 26 – Приплотный Лог; 27 – Нижнес-пасское; 28 – У Спасского моста; 29 – Спасское;
 30 – Лебяжье; 31 – Кизильское; 32 – Алексеевское

в подгорной зоне на Урале, в районе Магнитогорска, памятники лесостепного блока присутствуют всегда, и туда проникает лесостепной массив. Вероятно, население освоило предгорную зону далеко на юг, что наиболее четко показывает приуроченность памятников двух генетически не связанных групп строго к определенным природным зонам. Причины этого пока не понятны, мы лишь фиксируем факт.

Вероятно, это должно было быть связано с особенностями хозяйства племен. Для проверки указанного положения мы обратились к данным о составе стада у зауральского населения в эпоху бронзы. Из данных, опубликованных для Западной Сибири и Зауралья П. А. Косинцевым²⁷, мы выбрали преимущественно зауральские, включив дополнительно лишь памятники с относительно надежной культурной принадлежностью за пределами региона или близко примыкающие к нему, такие как Петровка II или Лисаковское.

Памятники не всегда четко связаны с культурными группами, поскольку на многих многослойных поселениях эпохи бронзы выявить эту связь затруднительно. В первую очередь, это касается памятников эпохи поздней бронзы, где алакульскому материалу может сопутствовать федоровский. Кроме того, федоровский поселенческий материал в настоящее время очень плохо диагностируется. Поэтому материалы того времени были обозначены как андроновские, хотя автор и сомневается в целесообразности дальнейшего использования данного термина. В результате для обработки были взяты следующие памятники.

Степь: Малокизильское (абашево), Аркаим (синташта), Устье (синташта, петровка), Петровка II (петровка), Кулевчи III, Мирный III, IV, Атамановка V, Ильяска II, Лисаковское, Шандаша, Ушкатта (андоновская культура), Черкасы, Алексеевское, Конезавод III, Саргары, Чаглинка (саргары).

Лесостепь: Сухрино III, Кипель, Камбулат I, II, Язево I (андоновская культура), Березки V, Ольховское (черкаскуль).

Для большей наглядности мы произвели несколько иной расчет остеологического материала, чем тот, который произведен в оригинальной публикации, и получили следующую картину (табл. I).

Таблица I.

Распределение костных останков по культурам степи и лесостепи, %

ПРИРОДНАЯ ЗОНА	КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ	МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ	ЛОШАДЬ
Степь	54	30	15
Лесостепь	63	20	17

Таким образом, принципиальная разница в составе костных остатков в степи и лесостепи не видна. В степи чуть выше доля мелкого рогатого скота, а в лесостепи — крупного рогатого скота, что вполне естественно, но разница все же не столь велика, чтобы говорить о принципиально разных типах животноводства.

Таблица II.

Распределение костных останков по культурно-хронологическим группам, %

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ	КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ	МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ	ЛОШАДЬ
Абашево, синташта, петровка	63	23	13
Андроновская культура	61	30	10
Черкаскуль	62	10	28
Саргары	39	33	28

Анализ распределения костных останков по культурно-хронологическим группам показывает, что на саргаринских памятниках заметно уменьшение доли крупного рогатого скота и увеличение доли лошади (табл. II). Доля мелкого рогатого скота на них близка андроновским и общим степным показателям. На первый взгляд, такое увеличение поголовья лошади может указывать на более подвижный тип скотоводства. Однако в черкаскуле доля лошади тоже возрастает и составляет те же 28%. Таким образом, увеличение доли костей лошади связано не с типом хозяйства, а с какими-то общими тенденциями эпохи.

Переход к кочевым формам хозяйства здесь, по-видимому, ни при чем, так как черкаскую культуру мы в этом подозревать не можем. Аналогичный вывод по данным показателям делает и П. А. Косинцев, объясняя эту тенденцию увеличением снежного покрова в субатлантике, а лошадь более приспособлена к тебеневке²⁸. Разница между синташтинско-петровскими и андроновскими памятниками, учитывая ограниченность выборки, почти не ощутима.

Вместе с тем П. А. Косинцев фиксирует и определенные различия²⁹. Так, если в степной зоне молочное направление в скотоводстве (на основе крупного рогатого скота) было достаточно хорошо выражено с синташтинского времени, то в лесостепи оно имеет очень незначительную тенденцию к росту в течение эпохи бронзы к раннему железному веку. Анализ распределения костей мелкого рогатого скота различных возрастных групп позволил говорить о постепенном увеличении разведения овец с целью получения шерсти как о единой временной тенденции в степи и лесостепи. Использование лошадей меняется от синташтинского времени к концу эпохи бронзы в сторону большего разнообразия, но это общая закономерность для обеих зон. В результате делается вывод, что соотношение костных остатков на поселениях определяется не культурными, а природными характеристиками, при этом более важна даже не природная зона, а конкретная ситуация в районе того или иного поселения³⁰. Интересные выводы были сделаны и при сопоставлении возрастного состава крупного и мелкого рогатого скота в северной и южной лесостепи (в качестве условной была принята граница Челябинск – Курган, близкая принятой в настоящем рассмотрении). В южной лесостепи мясное направление животноводства было более выражено, чем в северной³¹.

Первоначальная тенденция к выращиванию крупного рогатого скота в лесостепи на мясо, исчезающая впоследствии, может объясняться участием в культурогенезе этой зоны более ранних популяций, которые вели охотничье хозяйство, но это будет соответствовать устаревшим представлениям о формировании федоровской и черкаской культур. Но какие-либо археологические факты, подтверждающие это, отсутствуют, и мы вынуждены искать иные объяснения.

Кстати, подобная устойчивость скотоводческого типа хозяйства характерна и для Восточной Европы. Наблюдается лишь постепенный рост поголовья крупного рогатого скота и лошади³².

Таким образом, складывается впечатление, что скотоводство не являлось той причиной, которая могла стимулировать сохранение двух линий развития в Зауралье. Определенные сдвиги в типе скотоводства происходят лишь с течением времени, но с природными зонами эти сдвиги тоже особо не связаны. Но тогда почему мы имеем подобную культурную устойчивость в регионе при определенной естественной диффузии? Объяснить это какими-то стабильными общественными объединениями мы не можем. Даже для синташтинской эпохи, несмотря на некоторые слабо обоснованные заявления на этот счет, показать наличие какого-то центра притяжения невозможно. Относительно периода поздней бронзы подобный вопрос никем никогда не поднимался, и, на наш взгляд, поднимать его не следует, поскольку данные о каких-то центрах или выделяющихся памятниках для этого периода отсутствуют. Кроме того, федоровская и алакульская традиции достаточно широко распространены. Следовательно, речь идет именно о традициях, а не о каких-то объединениях. Но тогда почему же на территории Зауралья при одном хозяйственном типе мы не наблюдаем интенсивного смешения этих двух культур? Отдельные синкретичные памятники, конечно, есть, но в целом для Зауралья это нетипично. Ситуация кажется парадоксальной. По мнению большинства исследователей, речь идет о родственных популяциях, говоривших на близких языках. Основной общественной единицей выступало поселение или группа поселений. И для жителей этих поселений было не столь принципиально, с кем из соседей вступать в контакт и поддерживать хозяйственные связи. Но мы имеем устойчивую картину расселения на протяжении столетий.

Следовательно, должны были быть причины, которые жестко обуславливали эту ситуацию. Представляется, что одной из этих причин были существенные языковые различия. Мы уже отмечали, что население степной зоны говорило, видимо, на ранних иранских диалектах, а лесостепи — на каких-то диалектах балто-германо-славянской группы³³. Но это не могло столь сильно мешать контактам и изменению культурной ситуации. Тем более что контакты были, и многие технологические новшества передавались. Такие процессы, безусловно, имели место в металлургии. Вероятно, именно появление федоровских популяций способствовало распространению земледелия. Остатки злаков обнаружены и в степной зоне, в частности, на поселении Черкасы, содержащем материалы эпохи финальной бронзы.

Существовали, вероятно, какие-то достаточно мощные факторы системного характера. Одним из таковых, видимо, была существенная разница в религиозных взглядах. В Зауралье это четко видно на примере погребального обряда, где федоровская культура характеризуется трупосожжением, а алакульская — трупоположением. Однако впоследствии мы наблюдаем изменения в погребальной обрядности при сохранении прежнего положения с размещением памятников двух этих групп. При этом нельзя забывать, что они связаны именно с природными зонами.

Следовательно, существовали ощутимые хозяйственные различия, которые не удастся пока выявить. Тип скотоводства мы можем, кажется, исключить, либо признать, что в археозоологии существуют какие-то методические проблемы. Но более правомерным представляется вывод о том, что одна из групп была преимущественно скотоводческой, а вторая — земледельческой при безусловном наличии скотоводства. К сожалению, систематические исследования в этом направлении практически не проводились. Анализ пока может строиться лишь на качественных показателях, а именно — наличии земледелия у федоровско-черкаскульско-межовской группы³⁴.

Обнаружение злаков на Черкасах ни о чем не говорит, поскольку злаки могли попасть на поселение в результате обмена, либо данная группа по каким-то причинам переняла земледелие у соседей. Проверить это можно лишь с помощью новых систематических раскопок. Однако не исключено, что такую возможность могут предоставить и старые раскопки. Безусловно, они не в состоянии дать прямых данных на этот счет, но получение косвенных возможно. В земледельческих хозяйствах общее количество домашних животных должно быть меньше. Однако на фоне длительности существования многослойных поселений подобные расчеты затруднительны.

Выходом может быть введение в археозоологические методики еще одного показателя — коэффициента соотношения количества керамики к количеству костных останков. Здесь могут быть какие-то индивидуальные ситуации, как, например, на поселении Горный, где огромное количество костей животных объясняется интенсивными обменными операциями³⁵. Не будет информативным этот коэффициент и в лесной зоне, где кости на поселениях сохраняются плохо, но для степи и лесостепи общую тенденцию он показать должен. В тех регионах (или культурных группах), где этот коэффициент будет достаточно высок, можно говорить о возможном наличии земледелия. Получения предельно четкой картины при этом ожидать не следует, так как возможные обмены наверняка исказят общее представление.

При этом обмен внутри Зауралья мог осуществляться лишь по одной схеме (если говорить о массовом системном обмене) — продукты животноводства на продукты земледелия — и быть двусторонним. Если это так, то на север должен был поступать скот. Не исключено, что именно этим объясняется некоторая разница в скотоводстве в степи и лесостепи.

Выше, касаясь первоначально более выраженной мясной направленности скотоводства в лесостепи, мы говорили о возможном участии в культуругенезе популяций, которые вели охотничье хозяйство, но археологические данные в пользу этого отсутствуют. Подобная ситуация может иметь и иное объяснение. Скот получали из степи в обмен на продукты земледелия именно для получения мяса, при наличии какого-то количества скота, который постоянно держали для получения молока, мяса и для всех прочих нужд.

Не исключено, что на правомерность подобного моделирования указывают как будто противоречивые данные о соотношении костных остатков в северной и южной лесостепи, которые позволили сделать вывод о том, что в южной лесостепи мясное направление животноводства было более выражено, чем в северной. С другой стороны, в овцеводстве наблюдается противоположная тенденция. На севере овец и коз разводили преимущественно на мясо, а в южной лесостепи важную роль играло получение шерсти³⁶. Население южной лесостепи должно было более интенсивно вступать в обменные отношения с населением степной зоны, что обеспечивало им приток скота определенного возраста для обеспечения мясной пищей. Это должно было сказываться и на статистике возрастного состава скота на поселениях в степи. Вместе с тем контакт со степью способствовал и более активному заимствованию многих животноводческих навыков, в частности — разведению овец для получения шерсти. Правда, нельзя забывать о том, что в южной части лесостепи лучше представлены алакульские материалы. Поэтому не исключено, что данные отражают именно этот факт.

Решить эту проблему могут только археозоологи, проведя детальное сопоставление костных останков степи и лесостепи, как морфологическое, так и химическое. С учетом дополнительных факторов, таких

как отличия языка, религии, форм социальной организации, картина столь устойчивого сохранения колоссальной разницы в образе жизни населения, которое вело преимущественно скотоводческое или преимущественно земледельческое хозяйство, получит свое объяснение.

В заключение хотелось бы отметить, что описанная тенденция носит локальный характер и применима лишь к Зауралью. В иных регионах ситуация могла быть иной. В частности, в Центральном Казахстане мы видим присутствие алакульских и федоровских популяций и их интенсивные контакты. Это совершенно иная ситуация, которая должна получить, соответственно, и иное объяснение. Поэтому при наличии повсеместно каких-то единых тенденций следует обращать внимание и на особенности таких контактов, типов хозяйства и расселения на различных территориях.

Однако в эпоху финальной бронзы в Зауралье ситуация начинает меняться. В степной зоне появляется новый керамический тип, берсуатский, который отличается от саргаринского отсутствием валиков³⁷. Подобная керамика известна и на поселении Мочище в южной лесостепи. Отдельные признаки этой посуды, например, решетчатый орнамент или вписанные друг в друга треугольники, вероятно, свидетельствуют о позднеирменских импульсах с востока, причем довольно интенсивных, накладывающихся на местные культурные традиции. В горно-лесном Зауралье проживает гамаюнское население. Его происхождение с территории Нижнего Приобья, как и датировки гамаюнской культуры, нельзя считать в достаточной мере обоснованными, но и считать это население потомками носителей ранней крестоштампованной традиции Зауралья тоже пока не представляется возможным. Однако и межовские памятники, несмотря на многочисленные декларации, невозможно пока непосредственно связать с иткульскими комплексами. Поэтому степень изученности самой финальной фазы бронзового века в Зауралье оставляет желать лучшего, что и не позволяет делать предположения о характере размещения памятников.

¹ Мы не приводим здесь историографических данных по исследованиям того или иного памятника, хотя с формальной точки зрения это требуется. Но для статьи список литературы получился бы слишком обширным. Всю необходимую информацию можно найти в других изданиях. См.: Григорьев С. А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск, 2000; Он же. История изучения эпохи бронзы Южного Зауралья // История археологии Южного Зауралья. – Челябинск, 2003.

² Григорьев С. А. Бронзовый век. – С. 352.

³ Существуют различные точки зрения на начальный пункт этой миграции — Ближний Восток (С. А. Григорьев) или Восточная Европа (Е. Е. Кузьмина). Однако для рассматриваемой здесь проблемы эта разница несущественна.

⁴ Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Приобья. – М., 1985.

⁵ Васина Ю. В., Григорьев С. А., Петрова Л. Ю. и др. Поселение Мочище I в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2004; Нелин Д. В. Шибачево I: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестн. Челяб. пед. ун-та. Серия 1. – Челябинск, 2004.

⁶ Григорьев С. А. Эколого-хозяйственные аспекты функционирования и гибели синташтинской культуры // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: Тез. конф. – Самара, 1996.

⁷ Григорьев С. А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья.

⁸ Григорьев С. А. Исследование хромшпинелидов и проблема рудной базы синташтинской металлургии // Изв. Челяб. науч. центра. – Челябинск, 2003. – Вып. 3; Зайков В. В., Дунаев А. Ю., Григорьев С. А. и др. Минеральные индикаторы медных руд для древней металлургии Южного Урала // Археоминералогия и ранняя история минералогии. – Сыктывкар, 2005.

⁹ Отрощенко В. В. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000. – С. 68.

¹⁰ Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала (Труды музея-заповедника Аркаим). – Челябинск, 1996.

¹¹ Цимиданов В. В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. – М., 2005.

¹² Васина Ю. В., Григорьев С. А. Мегалитические сооружения на озере Тургояк в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2004.

¹³ Григорьев С. А., Васина Ю. В., Ивасько Л. В., Котов В. Г. Мегалитические комплексы Урала: проблема датировки // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. – М., 2008.

¹⁴ Григорьев С. А. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск, 1999. – С. 139–140; Он же. Бронзовый век. – С. 289–290; Виноградов Н. Б. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Челябинск, 1999.

¹⁵ Григорьев С. А. Древние индоевропейцы...; Он же. Бронзовый век; Виноградов Н. Б. Синташтинские и петровские древности...

¹⁶ Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск, 1998. – С. 348–352; Григорьев С. А. Древние индоевропейцы... – С. 145–146; Он же. Бронзовый век. – С. 310–313.

¹⁷ Ткачев В. В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Астана, 2003.

¹⁸ Корочкова О. Н., Стефанов В. И. О федоровских древностях Зауралья // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Оренбург, 2001. С. 206; Корочкова О. Н. Обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. – М., 2004; Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: Проблемы взаимодействия // РА. – 2004. – № 4.

¹⁹ Виноградов Н. Б., Костюков В. П., Марков С. В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996.

²⁰ Стефанов В. И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – С. 46, 49.

²¹ Петрова Л. Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестн. Челяб. пед. ун-та. Серия 1. – С. 204.

²² Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. – М., 1948. – Вып. 17; Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестн. Челяб. пед. ун-та. Серия 1. – С. 234; Евдокимов В. В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 44–45.

²³ Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья; Григорьев С. А. Древние индоевропейцы...

²⁴ Григорьев С. А. Древние индоевропейцы...

²⁵ Петрова Л. Ю., Григорьев С. А. Особенности стратиграфии поселений эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. – М., 2008.

²⁶ Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Петрова Л. Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск, 2006. Малютина Т. С., Петрова Л. Ю. Закономерности формирования культурного слоя на поселениях эпохи бронзы степной зоны Южного Зауралья. На примере поселения Атамановка V // Гуманитарные науки в Башкортостане: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа, 2007.

²⁷ Косинцев П. А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. – М., 2003.

²⁸ Там же. – С. 172.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. – С. 162–163, 166–167, 171–172; табл. 2–4.

³¹ Косинцев П. А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск, 1989.

³² Антипина Е. Е. Скотоводство эпохи бронзы в степной полосе Восточной Европы // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Уфа, 1996. – Ч. 1; Она же. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. – 1997. – № 3.

³³ Григорьев С. А. Древние индоевропейцы...

³⁴ Лебедева Е. Ю. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Ч. 1.

³⁵ Антипина Е. Е. Об организации хозяйства у населения степей Южного Приуралья в позднебронзовом веке // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов, 1997; Она же. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА. – 1999. – № 1; Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. – М., 1997. – С. 69.

³⁶ Косинцев П. А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья... – С. 96, 98.

³⁷ Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Петрова Л. Ю. Поселение Берсуат XVIII... Малютина Т. С., Петрова Л. Ю. Закономерности формирования культурного слоя...